

УДК 94(470.6)»18/...»
ББК 63.3(235.7)5
Б 91

Л.В. Бурыкина,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184282825, e-mail: mila.burykina@mail.ru

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности миграции австро-венгерских подданных на Северо-Западный Кавказ и анализируется адаптационный потенциал чехов и словаков в российской миграционной парадигме второй половины XIX в. Автор приходит к выводу, что степень эффективности адаптации переселенцев в иноэтничный социум зависела от проводимой царизмом национальной и конфессиональной политики, экономической поддержки австро-венгерского правительства и индивидуальной самореализации мигрантов. Большинство переселенцев сумело проявить незаурядную акклиматизационную креативность и найти свою экономическую нишу.

Ключевые слова: Российская империя, Австро-Венгрия, чехи, словаки, Северо-Западный Кавказ, миграция, адаптация, интеграция.

L.V. Burykina,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79184282825, e-mail: mila.burykina@mail.ru

ADAPTATION POTENTIAL OF CZECHS AND SLOVAKS OF THE NORTHWEST CAUCASUS IN THE RUSSIAN MIGRATORY PARADIGM OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The paper discusses features of migration of Austro-Hungarian citizens to the Northwest Caucasus and analyzes the adaptation potential of Czechs and Slovaks in the Russian migratory paradigm of the second half of the 19th century. The author comes to a conclusion that degree of efficiency of adaptation of immigrants in the different ethnic society depended on the national and confessional policy pursued by tsarism, on economic support of the Austro-Hungarian government and on individual self-realization of migrants. Most of immigrants managed to show uncommon acclimatization creativity and to find the economic niche.

Keywords: Russian Empire, Austria-Hungary, Czechs, Slovaks, Northwest Caucasus, migration, adaptation, integration.

Миграция населения – это один из видов мобильности, а именно – пространственная мобильность. В истории России миграция населения сыграла глобальную роль. С точки зрения В.О. Ключевского, «вся история России есть история страны, которая колонизируется». «Колонизация страны – основной урок русской истории», а «периоды русской истории – главные моменты колонизации» [1; 50-51].

В.И. Переведенцев, В.В. Покшишевский трактуют миграции как «...перемещения населения, связанные с переменой места проживания (изменение государства, области или населенного пункта, в котором живет то или иное лицо, семья или другая более широкая общность людей)» [2; 10]. Т.е. миграция – это переселение в самом широком смысле слова; мигрант и переселенец – синонимы [3; 20].

Миграционные процессы несут серьезную функциональную нагрузку. Во-первых, они способствуют развитию человека, изменению социально-психологических характеристик, т.е. выполняют ускорительную функцию. Во-вторых, в результате межтерриториальных перемещений изменяется численность населения этих территорий. В данном случае миграционные процессы выполняют рекомбинирующую функцию. И кроме того, изменение качественного состава населения как следствие миграционных перемещений свидетельствует о селективной функции миграционных процессов. Все названные функции взаимосвязаны и непосредственно влияют на последствия миграции.

Миграционные процессы обусловлены рядом параметров: направлением миграционных потоков, их масштабом, составом мигрантов, мотивацией к переселению. Под факторами миграции понимается комплекс движущих сил, воздействующих на миграционные процессы [4; 12]. Исследованию

факторов, условий, причин и мотивов миграционного движения посвящены многочисленные труды [5; 29]. Авторы различают объективные и субъективные группы факторов, определяющих миграционные процессы. По суждению В.И. Переведенцева, объективные факторы – это те, что находятся на стороне «мира», общества, субъективные – на стороне человека, индивида [3; 105]. Объективные факторы делятся на естественные и общественные. К естественным факторам перемещения населения относят региональные различия окружающей среды, а к общественным – территориальные различия в социальных условиях. В структурной классификации общественных факторов вычленяют такие группы, как экономические, социально-психологические, демографические, этнические факторы [3; 107].

«Главная задача этносоциологических исследований в области миграции – показать, как особенности культуры этноса, т.е. выработанные им в течение поколений традиции, отражаются на миграционном поведении его членов, с одной стороны, и как миграции влияют на структуру этноса, его традиции, на межэтнические отношения – с другой» [6; 91-92]. Этнический фактор, безусловно, влияет на миграционное поведение человека. Следует различать, прежде всего, объективный этнический фактор, т.е. причины этнической ориентации, стимулирующие складывание у человека миграционных установок, к которым относятся особенности этнической структуры населения, этнические конфликты, уровень межнациональных отношений, культурное доминирование, лингвистическая и религиозная ситуация. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и этническую политику, проводимую на государственном или региональном уровне, оказывающую влияние на миграцию отдельных этнических групп. Субъективный же

этнический фактор подразумевает психологическую специфику потенциального мигранта, воздействующую на восприятие объективных этнических установок. В данном случае немаловажны такие типично субъективные факторы, как этническое самосознание и чувство этнической родины [7; 26].

Проблемы перемещения населения приобрели в последние годы особое значение. А поскольку любая миграция сопровождается адаптацией, миграция и адаптация – явления взаимосвязанные, задачи их изучения – неразрывны. Но не только злободневность, прагматическая значимость проблем адаптации обусловили их важность. Их по праву можно отнести к сфере приоритетных направлений исторической науки, так как они всегда составляли субстанциональную и органическую часть исторического процесса. В колоссальном разнообразии проявлений человеческое общество сталкивается с потребностью адаптации в процессе той или иной эволюции. При этом происходит парадоксальная циркуляция – человеческий социум изменяет условия жизни и сам же должен приспособливаться к вызванной им трансформации. Адаптация континуальна и сопровождает человеческое общество на всех стадиях анагенеза. Проблемы адаптации удивительно многолики. Можно выделить две категории адаптации: природно-производственную и социально-этническую.

Согласно с изменением природных условий меняется производственное функционирование индивидуума, а в связи с его производственной деятельностью снова происходит модификация жизненного пространства.

Социально-этническая адаптация означает аккомодацию индивидуума или человеческого социума к изменениям социальной или этнической среды в результате социальных катаклизмов.

С.В. Лурье подчёркивает, что процесс освоения фронта не посредственно коррелирует с адаптацией человека к окружающей среде (и природной, и социокультурной) – в том числе адаптации психологической, вследствие чего складываются идентифицированные модели человеческой жизнедеятельности, ориентированные на снижение психологического диссонанса между человеком и миром и призванные сделать среду обитания более комфортной... «Каждая культура формирует свой особый «адаптированный», комфортный образ реальности. Так формируется и образ осваиваемого пространства» [8; 61].

Вследствие многообразия форм человеческой адаптации в данной статье предпринята попытка высказать соображения лишь об одном адаптационном направлении – миграционном.

Северо-Западный Кавказ, как, собственно, любой регион Юга России, в пореформенный период являлся полиэтничным, что, безусловно, оказывало существенное влияние на развитие материальной и духовной культуры населявших его народов. Многонациональный состав населения во многом определял специфику отраслевой структуры и специализации региона, по своему «оживлял» их своей жизнедеятельностью.

Глобальная трансформация этнодемографической карты региона произошла после окончания Кавказской войны, махаджирства адыгов в Османскую империю и переселения на их земли казаков и выходцев из внутренних губерний России. Для адыгов итоги войны оказались столь же катастрофическими, как и сама война: массовая депортация, насильственное переселение, вхождение в новое политическое, экономическое и социально-культурное пространство Российской империи [9; 105]. Миграционные потоки на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX в. достигли

такого масштаба, что стали одним из важных факторов его социально-экономической, духовной и политической истории.

Австро-Венгерской империи, являвшейся одним из ключевых «доноров» в системе международной миграционной конверсии, принадлежало второе место, после Германии, в числе государств, давших наибольшую численность переселенцев в Российскую империю. Согласно российской статистике, с 1828 по 1915 гг. в Россию на постоянное место жительства прибыло 888 тысяч подданных империи Габсбургов, что составляло 21,4% от общего количества мигрантов [10; 108].

Благодаря утверждённому Александром II 10 марта 1866 г. «Положению о заселении Черноморского округа и управлении оным» начинается переселение туда чехов и словаков, вызванное следующими обстоятельствами: а) разногласиями на конфессиональной основе, так как чешское и словацкое население преимущественно исповедовало католицизм, хотя среди них имелись и группы протестантов; б) национальным неравноправием чешского и словацкого населения в составе Австро-Венгерской монархии; в) экономическими факторами: перенаселенностью сельскохозяйственных регионов и их экономической отсталостью, крестьянским малоземельем, высокой степенью безработицы, регулярно повторяющимися экономическими кризисами [11; 225].

Переселенцы имели право получить крупные земельные участки (до 30 десятин), предусматривалось их освобождение на срок до 15 лет от налогообложения, а также разовые пособия на переселение. Безусловно, подобные предложения российского правительства привлекали иностранных колонистов, страдающих на родине от «земельного голода». По прошествии всего четырёх лет после окончания Кавказской войны

первая группа чешских мигрантов прибыла на Северо-Восточный берег Чёрного моря и на Георгиевских хуторах близ Туапсе было образовано первое чешское поселение. В 1869 г. чешские колонисты основали ещё две деревни: Кирилловку из 40 дворов и Мефодиевку из 24 дворов в Новороссийском округе. Через год сформировалось два поселения – Варваровка и Павловка в Таманском отделе Кубанской области, обитателей которых дореволюционные статистики причисляли к лютеранам [12; 22-23]. Уроженцы Моравии, в основном, проживали в с. Павловка. В г. Ейске в начале 1880-х гг. насчитывалось 7 мужчин и 8 женщин чешской национальности. Имелись и другие поселения, где чехи проживали совместно с русскими, немцами, молдаванами, греками, эстонцами. В с. Тешебс чехи жили, например, вместе с поляками, как и в с. Текос за Геленджиком и на хуторе Мамацев Майкопского отдела [13; 553].

Согласно архивным данным, чехи и словаки местом поселения главным образом выбирали Черноморский округ и Темрюкский уезд Кубанской области [14]. Участок от Анапы до Гагр, по свидетельству Ф.К. Гершельмана, после почти поголовного махаджирства адыгов в Османскую империю был занят разными мигрантами, в том числе и чехами [15; 15]. К.М. Бороздин отмечал, что в Черноморском округе к середине 1880-х гг. аграрного населения насчитывалось восемь тысяч человек, из которых львиную долю составляли немцы, армяне, греки, чехи, поляки и молдаване [16; 130]. Словаки были немногочисленны и селились, в основном, в чешских колониях [17; 196]. Заняты были в сельском и лесном хозяйстве, промышленности и ремёслах (в частности, на Кавказе много встречалось словаков-лудильщиков) [18; 65].

Проект царского правительства по переселению иностранных колонистов на Северо-Восточный

берег Чёрного моря был неоднократно встречен российским обществом. Например, многие, как и Н. Шавров, полагали, что лучшим вариантом было бы заселение Черноморского побережья казаками, и сожалели, что «интересы государственной безопасности и стратегические соображения об обороне кавказского края уступили место интересам быстрого экономического развития края...» [19; 27-28]. Н. Шавров промахи миграционной практики связывал с тем, что «чехи, молдаване, греки, немцы и русские имели свои особенные понятия о земледельческой культуре и смотрели по-своему на водворение и будущность образуемых ими колоний. Пособия, которые выдавались колонистам от правительства, имели крайне преувеличенное значение в глазах новых поселенцев» [19; 28]. К тому же неосведомлённость мигрантов в особенностях местных природно-климатических, санитарно-эпидемиологических, ландшафтных условий, как и отсутствие удобных коммуникаций, существенно осложняли их быт. Жизнь в землянках, повальные заболевания малярией при отсутствии медицинской помощи, борьба со стихийными бедствиями нередко приводили мигрантов в состояние депрессии, хотя чехов отличало особое отношение к чистоте в быту и своей внешности даже в самых неблагоприятных условиях. Позитивную роль сыграла экономическая поддержка одеждой, инвентарём, рассадой сельскохозяйственных культур, денежными пособиями, скотом австро-венгерского правительства, заинтересованного в создании колоний на территории Российской империи, в стратегически важном регионе [20; 143]. Справившись с неизбежными сложностями адаптационного периода, колонисты постепенно наладили жизнь и быт. В начале 1880-х гг. около двух десятков чешских семей выразили готовность переселиться из

Черноморского округа на незаселённые земли в Кубанской области и были поддержаны администрацией региона [21].

В составе австро-венгерских мигрантов на Северо-Западном Кавказе были словаки, словенцы, хорваты, русины, а также поляки, австрийские немцы, евреи и венгры, но весомо доминировали чехи. К 80-м годам XIX в. на Северо-Восточном берегу Чёрного моря до р. Бзыби располагалось около 1000 чехов [22; 241].

В начале 1890-х гг. в Варваровке числилось 165 чехов и словаков, в Павловке – 94, во Владимировке – 108, в Глебовке – 132, Кирилловке – 181, в Мефодиевке – 91, на Георгиевских хуторах – 113, в чешских колониях на р. Джубга в Вельяминовском отделе их проживало 113 человек [23; 3].

Чехи и словаки относились, преимущественно, к крестьянскому сословию. Во главе замкнутых иностранных поселений стоял деревенский староста. Мигранты стремились не терять связь с исторической родиной, откуда было организовано снабжение пособиями по родному языку, фольклору, обрядам. При содействии чешских общественных организаций чехи, проживавшие на Северо-Западном Кавказе, старались оставаться носителями чешской национальной культуры.

Скрупулёзная забота чехов о сохранении родного языка и поддержании национальных традиций объяснялась испытанной на родине германизацией. В связи с этим в новом месте проживания чехи, как и словаки, старались сберечь свойственные им образ жизни и культуру. В строительстве домов и хозяйственных построек, как и на родине, применяли саман и камень [24; 139]. Чехи перенесли на российскую почву прогрессивные агротехнологии, позволявшие получать обильные урожаи. Они ввели в оборот легкий плуг, в наибольшей степени адаптированный

к местным условиям, и подкормку полей. Чешских колонистов по праву считают на Северо-Западном Кавказе пионерами виноградарства и виноделия. Кроме того, они внесли существенный вклад в развитие местного садоводства и огородничества [25; 76].

Австро-венгерские мигранты занимались скотоводством, ремеслами, вели торговлю сельскохозяйственными продуктами. Характерной чертой чешских поселений Черноморского побережья Северного Кавказа являлась система самоуправления и самообеспечения (автаркия).

В городах насчитывалось 159 эмигрантов из Австро-Венгрии, в том числе в Анапе – 14, Армавире – 9, Ейске – 16, Екатеринодаре – 80, Майкопе – 14, Темрюке – 26. Среди них были учителя, музыканты, артисты, служащие, технические специалисты, промышленники и представители прочих профессий [26; 64].

Несмотря на поддержание обособленности чешских и словацких поселений, воздействие национальной политики Российской империи предопределило необходимость воспитания иностранных колонистов второго и третьего поколения как русских. Рост числа браков между православными, католиками и протестантами в пользу первых привёл к частичной утрате католицизма и протестантизма. Интересно, что немало кавказских чехов приняли православие и в силу приверженности русской культуре, и исходя из ситуации карьерного прагматизма.

Закон от 31 марта 1897 г. о новом порядке заселения Черноморского побережья Кавказа санкционировал переселения туда только российских подданных, после чего чешские и словацкие миграционные потоки переориентировались, главным образом, в кавказские города [27; 18].

Чехи и словаки внесли свою лепту в формирование экономической

мощи Северо-Западного Кавказа, ускорив становление капиталистических отношений в регионе. Они владели колбасными фабриками, рядом винных и пивных заводов под Майкопом и Новороссийском, а также в Екатеринодаре [28; 522]. Значительным предприятием дореволюционного Екатеринодара являлся чугунолитейный завод чешского промышленника К. Гусника [29; 87]. По данным переписи 1897 г., в Кубанской области проживало 1213 чехов и словаков, в Черноморской губернии – 1290 [30; 246-247], которые в конечном итоге стали частью местного населения, вступая в экономические, бытовые, культурные, семейные связи с коренными народами.

Таким образом, происходящие во второй половине XIX в. миграционные процессы оказали непосредственное влияние на изменение этнодемографической структуры Северо-Западного Кавказа, в этнопанораме которого сформировались новые этнические общности. Одной из существенных сторон интеграции чехов и словаков в иноэтничный социум являлась социально-экономическая аккомодация, включающая четыре фазы взаимодействия: общества, власти, семьи и личности. Степень эффективности адаптации переселенцев в иноэтничный социум зависела от проводимой царизмом национальной и конфессиональной политики, экономической поддержки австро-венгерского правительства и индивидуальной самореализации мигрантов. Большинство переселенцев сумело проявить незаурядную акклиматизационную креативность и найти свою экономическую нишу. Многие из них приняли российское подданство.

Интегрировавшись в демографическую структуру Российской империи, чехи и словаки сохраняли этническую самобытность, преданность католицизму и отчасти протестантизму,

национальную культуру, родной язык. Проживая вдали от исторической родины, они, с одной стороны, вынуждены были удерживать этническую дистанцию, а с другой, должны были ориентироваться на скорейшую наибольшую интеграцию в окружающий мир. Действительно, в дальнейшем, по мере хозяйственной интеграции, между переселенцами и местным населением увеличивалось и социокультурное взаимодействие, трансформировавшееся в активное участие мигрантов в историческом, социально-экономическом и социокультурном развитии Северо-Западного Кавказа.

Примечания:

1. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 432 с.
2. Покшишевский В.В. Миграции населения как общественное явление и задачи статистического изучения // Статистика миграции населения / АН СССР, Центр. экон.-мат. ин-т; отв. ред. Т.В. Рябушкин. М.: Статистика, 1973. С. 7-34.
3. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
4. Воробьев Н.В. Региональная организация миграции населения в сибирских условиях / отв. ред. С.В. Рященко. Новосибирск: Наука, 2001. 152 с.
5. Рыбаковский Л.Л. Миграции населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.
6. Арутюнян Ю.А., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
7. Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь: Кн. изд-во, 2001. 542 с.
8. Лурье С.В. Восприятие народом осваиваемой территории // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 61-74.
9. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.; Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 280 с.
10. Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. 136 с.
11. Краткая история Чехословакии / А.Х. Клеванский, В.В. Марьина, А.С. Мыльников, И.И. Поп. М.: Наука, 1988. 576 с.
12. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Армавир: Изд-во АИПП, 1995. 150 с.
13. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар: Эдви, 1997. 559 с.
14. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 124. Лл. 139 об. 140.
15. Гершельман Ф.К. Военно-статистический обзор Черноморского округа и западной части Кубанской области. Тифлис: Тип. канц. главнонач. гражд. ч. на Кавказе, 1896. 23 с.
16. Бороздин К.М. Материалы по истории колонизации Кавказа // Наблюдатель. СПб, 1885. № 5. С. 129-147.
17. Птицын А.Н. Словацкая переселенческая община в России на рубеже XIX-XX вв. // Мир славян Северного Кавказа / научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар: Эдви, 2013. Вып. 7. С. 193-202.
18. Пукиш В.С. О словацких переселенцах на Кавказе // Кубанский сборник. Т. 3. / под ред. А.М. Авраменко, Г.М. Кокунько. Краснодар, 2008. С. 63-68.
19. Шавров Н. Проекты колонизации восточного берега Черного моря // Северный вестник. СПб, 1886. № 7 (июль). Отд. 2. С. 20-48.
20. Домашек Е.В. Иммиграция чешских подданных Австро-Венгрии на Черноморское побережье Северного Кавказа во второй половине XIX в. // Мир

славян Северного Кавказа. Вып. 3: Памяти В.П. Попова / под ред. О.В. Матвеева. Краснодар: Мир Кубани, 2007. С. 141-146.

21. ГАРК. 574. Оп. 1. Д. 1663. Лл. 1-3.

22. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. М.: Наука, 1974. 276 с.

23. Гайдук Я. К вопросу о заселении Черноморского округа // Кавказ. 1895. № 6.

24. Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо-Западный Кавказ в 90-е годы XVIII – 90-е годы XIX века. Майкоп: Изд-во АГУ, 2002. 208 с.

25. Золотарева Н. В. Иностранцы в производственной сфере России: анализ правовой основы и сравнение региональных ситуаций // Европа и Северный Кавказ в XIX-XX вв.: опыт межкультурной коммуникации и социокультурной адаптации. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С.73-79.

26. Птицын А.Н. Австро-венгерские переселенцы на Кавказе (середина XIX – начало XX века) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 67. С. 59-67.

27. Личков Л.С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. Киев: Тип. Императорского ун-та Св. Владимира, 1904. 249 с.

28. Живило К.Т. Сельскохозяйственный (пчеловодство, садоводство и виноградарство) и торгово-промышленный справочник Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1910. Т. 15. С. 500-580.

29. Пукиш В.С. Штрихи к портрету чешской колонии Екатеринодара и Новороссийска в начале I мировой войны // Вопросы южно-российской истории / под ред. С.Н. Ктиторова. М.; Армавир: Армав. полиграфпредприятие, 2008. Вып. 14. С. 85-93.

30. Кавказский календарь на 1912 г. Тифлис: Изд-во Гл. упр. Наместника Кавказского, 1911. 959 с.

References:

1. Klyuchevsky V.O. The course of Russian history // Works in 9 volumes. М.: Mysl, 1987. Part 1. 432 pp.

2. Pokshishevsky V.V. Migration of the population as a social phenomenon and the tasks of statistical study // Statistics of population migration / Acad. of Sciences of the USSR, Central Institute of Economy and Math.; [the editorial Board: T.V. Ryabushkin (Executive editor), etc.]. М.: Statistics, 1973. P. 7-34.

3. Perevedentsev V.I. Methods for studying population migration. М.: Nauka, 1975. 231 pp.

4. Vorobyov N.V. Regional organization of population migration in Siberian conditions / the Executive editor is S.V. Ryaschenko; Russian Acad. of Sciences. Sib. department. Institute of Geography. Novosibirsk: Nauka, 2001. 152 pp.

5. Rybakovsky L.L. Migrations of the population: forecasts, factors, policy. М.: Nauka, 1987. 199 pp.

6. Arutyunyan Yu.A., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. Ethnosociology. М.: Aspect-Press, 1999. 271 pp.

7. Ryazantsev S.V. The influence of migration on the socio-economic development of Europe: current trends. Stavropol: Book Publisher, 2001. 542 pp.

8. Lurye S.V. Perception of the developed territory by the people // Social sciences and the present. 1998. No. 5. М.: Nauka. P. 61-74.

9. Sheudzhen E.A. The Adyghes (the Circassians) in the space of historical memory. Moscow-Maikop: ASU Publishing House, 2010. 280 pp.

10. Obolensky (Osinsky) V.V. International and intercontinental migrations in pre-war Russia and the USSR. – М.: Publishing house of the Central Statistical Administration of the USSR, 1928. 136 pp.

11. Klevansky A.Kh., Maryina V.V., Mylnikov A.S., Pop I.I. Brief History of Czechoslovakia. M.: Nauka, 1988. 576 pp.
12. Vinogradov V.B. Middle Kuban: countrymen and neighbours (the formation of the traditional composition of the population). Armavir: Publishing house of the AIPP, 1995. 150 pp.
13. Encyclopedic dictionary on the history of the Kuban area from ancient times till October 1917. Krasnodar: Edwi, 1997. 559 pp.
14. GAKK. F. 774. Op. 1. D. 124. Ll. 139. ob. 140.
15. Gershelman F.K. Military statistical survey of the Black Sea district and the western part of the Kuban area. Tiflis: Printing house of the Chancellery of the Superior of the civil department in the Caucasus, 1896. 23 pp.
16. Borozdin K.M. Materials on the history of the colonization of the Caucasus // Observer. SPb, 1885. No. 5. P. 129-147.
17. Ptitsyn A.N. Slovak migrant community in Russia at the turn of the 19th-20th centuries // World of the Slavs of the North Caucasus. Iss. 7. / scient. ed., comp. by O.V. Matveyev. Krasnodar: Edwi Publishing house, 2013. P. 193-202.
18. Pukish V.S. On the Slovak immigrants in the Caucasus // Kuban Collection / ed. by A.M. Avramenko, G.M. Kokunko. Vol. 3. Krasnodar, 2008. P. 63-68.
19. Shavrov N. Projects of colonization of the eastern shore of the Black Sea // Northern Bulletin. SPb. 1886. No. 7 (July). Dep. 2. P. 20-48.
20. Domashek E.V. Immigration of Czech citizens of Austria-Hungary to the Black Sea coast of the North Caucasus in the second half of the 19th century // World of the Slavs of the North Caucasus. Iss. 3: In memory of V.P. Popov / ed. by O.V. Matveyev. Krasnodar: World of the Kuban, 2007. P. 141-146.
21. GAKK. 574. Op.1. D. 1663. Ll. 1-3.
22. Volkova N.G. Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 118th – early 20th centuries. M.: Nauka, 1974. 276 pp.
23. Gaiduk Ya. On the problem of the settlement of the Black Sea region // The Caucasus. 1895. No. 6.
24. Burykina L.V. The migration movement to the North-Western Caucasus in the 90s of the 18th – 90s of the 19th century. Maikop: Adyghe State University, 2002. 208 pp.
25. Zolotareva N.V. Foreigners in the industrial sphere of Russia: analysis of the legal basis and comparison of regional situations // Europe and the North Caucasus in the 19th-20th centuries: experience of intercultural communication and socio-cultural adaptation. Stavropol: SSU Publishing house, 2005. P. 73-79.
26. Ptitsyn A.N. Austro-Hungarian immigrants in the Caucasus (mid of the 19th – early 20th century) // Bulletin of Stavropol State University. 67 / 2010. P. 59-67.
27. Lichkov L.S. Essays from the past and the present of the Black Sea coast of the Caucasus. Kiev: Printing house of the Imperial University of St. Vladimir, 1904. 249 pp.
28. Zhivilo K.T. Agricultural (beekeeping, horticulture and viticulture) and commercial and industrial directory of the Kuban area // Kuban collection. Ekaterinodar: Printing house of the Kuban Reg. Board, 1910. Vol. 15. P. 500-580.
29. Pukish V.S. Traits to the portrait of the Czech colony of Ekaterinodar and Novorossiysk at the beginning of the First World War // Problems of the South-Russian History. Iss. 14 / ed. by S.N. Ktitorov. M.; Armavir: Armavir Polygraph Enterprise, 2008. P. 85-93.
30. The Caucasian calendar for 1912. Tiflis: Publishing house of the Chief Dep. of the Governor of the Caucasus, 1911. 959 pp.